

Типы и механизмы диалога (размежевание, сосуществование, медиация, переосмысление)

В.М. Розин

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются типы и механизмы социального диалога с целью того, чтобы определить, могут ли они быть отнесены к понятию медиации. Автор предлагает рассматривать медиацию как методологическую схему и конкретизировать последнюю применительно к тому или иному типу диалога. Сначала анализируется диалог в условиях свободной коммуникации и возможности размежевания, показывается, что подобный тип диалога не может быть подведен под понятие медиации. Второй тип диалога – диалог в условиях вынужденного взаимодействия, и при этом складываются два полярных типа решений: или отказ от своей позиции, или компромисс, который уже может быть понят как один из типов медиации. Третий тип – это диалог, который может привести к формальной или содержательной медиации. В качестве примера формальной медиации рассматривается история заключения Брестского мира: найденное решение было срединным лишь на словах, а в действительности разрушало диалог. Содержательная медиация, конструирующая новую смысловую почву для примирения, показана на интерпретации М.Я. Гефтером фигуры Сталина как середины между крайностями подходов сталинистов и антисталинистов. Однако диалог, ведущий к подлинной медиации, является редким феноменом. Более распространен четвертый тип – диалог-переосмысление, в результате которого происходит не поиск компромисса, а изменение в отношении к предмету спора, в собственной позиции. Этот механизм анализируется на материале раннего исследования З. Фрейда, а также на примере личностной трансформации А.С. Пушкина, который под влиянием диалога с друзьями кардинально пересмотрел образ жизни. Сделан вывод о том, что диалог – эффективный инструмент для размежевания, компромисса и переосмысления, но лишь ограниченно способствует сосуществованию индивидов и сообществ, придерживающихся противоположных взглядов.

Ключевые слова: социальная философия, социальный диалог, методологическая схема, коммуникация, социальная поляризация, примирительное правосудие, личностная трансформация, раскол, компромисс, поиск середины.

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

Для цитирования: *Розин В.М.* Типы и механизмы диалога (размежевание, сосуществование, медиация, переосмысление) // Философские науки. 2025. Т. 68. № 3. С. 62–76.

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-62-76

Types and Mechanisms of Dialogue (Delimitation, Coexistence, Mediation, Reappraisal)

V.M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the types and mechanisms of social dialogue to determine the extent to which they align with the concept of mediation. The author proposes that mediation can be understood as a methodological framework, which can then be specifically applied to various forms of dialogue. The analysis begins with dialogue in the context of open communication where delimitation (separation) is possible, demonstrating that this form of interaction cannot be classified as mediation. The second type of dialogue occurs within a constrained communication environment, leading to two polarized outcomes: the renunciation of one's position or a compromise, the latter of which can be considered a type of mediation. The third form of dialogue is one that can culminate in either formal or substantive mediation. As an example of formal mediation, the article considers the historical signing of the Treaty of Brest-Litovsk, where the solution was a middle ground in name only and ultimately undermined the dialogue itself. Substantive mediation, which constructs new semantic foundations for reconciliation, is illustrated through Mikhail Gefter's interpretation of Stalin as a figure occupying a middle ground between the extreme views of Stalinists and

anti-Stalinists. The article posits, however, that dialogue leading to genuine mediation is a rare phenomenon. More common is a fourth type – dialogue as reappraisal – in which the outcome is not a compromise but rather a fundamental shift in one’s perspective on the issue and a transformation of one’s own position. This mechanism is analyzed through an early study by Sigmund Freud and the personal transformation of Alexander Pushkin, who radically altered his lifestyle following dialogues with his friends. The article concludes that, while dialogue is an effective tool for achieving delimitation, compromise, and reappraisal, only to a limited degree does it foster the coexistence of individuals and communities with opposing viewpoints.

Keywords: social philosophy, social dialogue, methodological framework, communication, social polarization, restorative justice, personal transformation, divide, compromise, pursuit of middle ground.

Vadim M. Rozin – D.Sc. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow at the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

For citation: Rozin V.M. (2025) Types and Mechanisms of Dialogue (Delimitation, Coexistence, Mediation, Reappraisal). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 62–76. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-62-76

Введение

Я не первый раз обращаюсь к обсуждению природы диалога и медиации. В 2017 году издана книга «Спор о медиации. Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления», в которой мы с А.П. Давыдовым в форме диалога размышляли и о диалоге, и о возможностях медиации [Давыдов, Розин 2017]. А.П. Давыдов обратил внимание на то, что А.С. Ахиезер заимствовал термин «медиация» у К. Леви-Стросса. Если у антропологов это был, скорее, статичный поиск «правильных обрядовых решений» для выживания племени, то Ахиезер превратил медиацию в динамический процесс. В его трактовке это уже не просто «середина», а «поиск середины» как альтернатива «полярным смыслам, крайностям (абсолютам)», мышлению оппозициями. Поэтому, развивая концепцию медиации Ахиезера, Давыдов утверждал, что «медиация – это поиск личности» [Давыдов, Розин 2017, 11].

Я сомневался, мотивируя тем, что идея медиации представляет собой абстрактную схему, не отражающую конкретные решения проблем в диалогическом дискурсе. Моя критика сводилась к тому, что при рассмотрении явлений действительности, с их поляризацией взглядов, ценностными оппозициями и противоречиями, объективной «середины» не существует. Мне казалось, что эта идея искусственно «примысливается против содержания и сущности явления». Разве в споре, в котором одни выступают за, а другие – против, решение действительно находится посередине? Поэтому я расценивал такой подход как применение «примитивной схемы и неорганического дискурса» к анализу сложной и органической реальности. При этом исследователь, используя эту схему, не различает описания самого явления и описания методологии его осмысления [Давыдов, Розин 2017, 10].

Но сегодня я бы отступил назад, согласившись с утверждением о том, что идея медиации имеет право выступать («браться в мышлении») сначала именно как абстрактная методологическая схема, тем более что по отношению к рассматриваемому предмету методологические построения часто выглядят абстрактными и схематичными. Однако если мы хотим превратить эти схемы в модели, их нужно конкретизировать и соотнести с предметными ситуациями. В данном случае следует соотнести идею медиации с тем или иным типом диалога, и одновременно получим материал для анализа механизма диалога данного типа.

Диалог как инструмент размежевания в условиях свободной коммуникации

Примером подобного диалога служит полемика, развернувшаяся на некоторых интернет-сайтах в течение последних двух-трех лет после начала СВО. Формируются две группы спорящих, как правило, противоположно оценивающих происходящие события. Например, одни утверждают, что Россия нарушила международное право и напала на Украину, другие считают, что все не так однозначно, что право давно не действовало и первыми, кто его нарушил, были США в Югославии, а войну фактически начала Украина, обстреливая восемь лет подряд Донецкую и Луганскую области. Каждая группа выдвигает аргументы в защиту своей позиции, стараясь убедить противников и перетянуть их на свою сторону, но это не удается. Кроме того, после подобной безуспешной полемики более слабая группа или распадается, или даже

покидает сайт, унося с собой при этом более четкое понимание своей позиции и оснований противоположной стороны. Подобным образом отчасти происходит размежевание сторонников и противников СВО, а также поддерживающих их институтов. Очевидно, что необходимое условие такого типа социального диалога – свободная коммуникация и возможность размежевания. Это в сложившихся условиях социальной дифференциации (распределение противоположных взглядов – примерно половина на половину) и свободного интернета становится легкодостижимым. Таким образом, подобный тип диалога не может быть подведен под понятие медиации.

Диалог в условиях вынужденного взаимодействия

Примерами диалога в условиях вынужденного взаимодействия являются споры в рамках процесса «примирительного правосудия», создающего прямую зависимость между противостоящими сторонами. Примирительное правосудие предполагает отмену наказания, если правонарушитель не только признает вину, но и, вступив в общение с потерпевшим (встречу организуют в присутствии социальных посредников), согласится возместить нанесенный ущерб.

Автор этой концепции, Х. Зер, анализируя судебную практику, пишет о том, что, хотя некоторые суды и включают в приговоры возмещение ущерба, что само по себе является «шагом в верном направлении», мотивировка этого требования часто ошибочна [Зер 2002, 51]. По его мнению, главная проблема состоит в том, что возмещение ущерба рассматривают как еще один вид наказания, а не как «восстановление справедливости по отношению к пострадавшему». Такой подход лишает преступника возможности почувствовать причастность к решению. Зер обращает внимание на то, что правонарушитель обычно не участвует в процессе определения ущерба, имеет поверхностное представление о потерях жертвы и, значит, склонен видеть в этом лишь «дополнительное наказание», а не разумную попытку исправить зло. Подобные приговоры, нацеленные на наказание, вряд ли могут способствовать развитию у человека «чувства ответственности».

Для решения этой проблемы Зер предлагает концепцию «подлинной ответственности», предполагающую, что преступник должен «осознать содеянное», т.е. понять, чем его поступки обернулись для другого человека. Его необходимо подтолкнуть к тому, чтобы он участвовал «в поиске реальных путей» для вос-

становления справедливости. Именно такой деятельный подход, по мнению Зера, и становится подлинной ответственностью. Он приносит двойную пользу: помогает решить проблемы пострадавшего, удовлетворяя его насущные потребности, и вместе с тем помогает преступнику, поскольку глубокое понимание причиненного страдания может удержать его от подобных поступков в будущем [Зер 2002, 51–54].

В данном случае правонарушитель, всеми силами стремящийся избежать тюремного наказания, вынужден не только выслушивать аргументы потерпевшего, но и искать решение, которое бы последнего удовлетворило. Наблюдения показывают, что в подобной коммуникации складываются два типа полярных решений: *отказ от своей позиции* в разной форме (просто отказ, признание своей неправоты, согласие с точкой зрения оппонента) и *компромисс*, который уже может быть понят как один из типов медиации. В обоих случаях спорящий вынужден не только хотя бы частично осознать свою позицию, но и нередко пересмотреть свой жизненный мир. Например, как в случае примирительного правосудия, правонарушитель понимает, что его желания и поступки могут привести другого человека к страданиям, а его самого – к тюрьме.

Диалог как механизм формальной и содержательной медиации

История заключения Брестского мира – пример формальной медиации. Российская делегация сначала затягивала переговоры с Германией. Затем Троцкий заявил: «Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий... В то же время мы заявляем, что условия, предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов» [Брестский мир... 2022, 170–171]. Формально ситуация представляется следующей: достигнута середина между миром и войной. Но фактически Троцкий выходит из реальности социального диалога и предлагает новую реальность, которую, как оказалось, не принимали ни Германия, ни Ленин. Иными словами, формальная медиация – это медиация только на уровне текста, слов, но, по сути, речь идет о решении, разрушающем диалог.

Пример результата содержательной медиации – интерпретация советским и российским историком и философом М.Я. Гефтером

политики Сталина и его личности. Позиция Гефтера отчасти была реакцией на полемику между сталинистами, акцентировавшими роль Сталина в строительстве социализма, победе, одержанной в войне с нацистской Германией, создании советской индустрии и атомной бомбы, и антисталинистами. В беседе с Г.О. Павловским о личности Сталина Гефтер сразу задает масштаб проблемы, утверждая, что «Сталин и кровь... нерасторжимы». Речь идет о таком колоссальном кровопролитии, которое, по его мнению, «сокрушает всякое рациональное объяснение» и фигуры вождя, и нашей истории в целом. Именно поэтому, как он заключает, необходим решительный шаг, в частности «раздвижение вопроса до пределов истории», т.е. выход за рамки простых оценок личности [Гефтер 1988, 117].

М.Я. Гефтер – антисталинист, но в рассматриваемой статье он задает и разворачивает реальность истории, в которой Сталин получает две разные трактовки: с одной стороны, он обычная личность, возможно, девиантная, но это не главное, с другой – выразитель социальных (исторических) тенденций и трендов, по сути, внеличностных, характерных для российской истории и культуры. По мнению М.Я. Гефтера, несмотря на различие этих двух трактовок вождя, происходившие исторические события обусловлены обеими, их диалектическим взаимодействием и взаимовлиянием. Эта диалектика хорошо прослеживается при описании того, как Сталин, который «не был абсолютно необходим в 1924 году», постепенно «строил свою нужность». Гефтер утверждает, что политический инструментарий Сталина направлен на нагнетание напряженности, чтобы в экстремальных ситуациях усиливать свою незаменимость. Так, «поражение каждого оппонента делало Сталина сильнее и необходимей», пока не забыли о том, что когда-то он был лишь одним из многих [Гефтер 1988, 121].

Одновременно Гефтер показывает и трагедию Сталина-человека. После победы над всеми соперниками, вкусив «сладость личного триумфа», он получает и «первый сигнал бедствия». Оставшись без оппонентов, он лишается обратной связи. В результате, по мысли Гефтера, его «абсолютная независимость... оборачивается абсолютной зависимостью его от призраков и кошмаров», справиться с которыми уже невозможно привычными методами расправы. Масштаб этой личной драмы таков, что, по словам историка, «здесь нужно перо Шекспира» [Гефтер 1988, 128].

Сталин, включенный М.Я. Гефтером в историческую реальность, действительно, хотя и повязан большой кровью, одно-

временно действует не просто от себя, а учитывает природу российского народа и разворачивающийся социальный тренд. Как обычный человек, он ответственен за большой террор, а как исторический субъект – свободен от этой ответственности, поскольку лишь артикулирует, субъективирует объективный процесс, если и оседлал его, то как нарастающую волну. Следовательно, в споре сталинистов и антисталинистов Сталин как исторический субъект – середина между двумя крайностями. Но обратим внимание, что речь идет о личности Сталина в рамках реконструкции исторического процесса Гефтером, а не о том, кем был Сталин в действительности.

Диалог-переосмысление

Следует поставить вопрос о том, как часто нам удаются реконструкции середины в диалогах, начинающихся с прямо противоположных положений и альтернатив? Мне кажется, редко и с большим трудом. Почему? Потому что чаще всего решения в диалогах достигают не за счет полагания реальности, выглядящей как середина, а построения реальности, заставляющей *переосмыслить* предмет спора. Обратимся к примеру из ранней практики З. Фрейда. Он, работая с пациенткой Элизабет фон Р., пришел к выводу о том, что она полюбила зятя и, не желая признаваться в этом, спровоцировала свое заболевание [Бройер, Фрейд 2021, 143–165]. В результате между ними завязался спор: Фрейд настаивал на своей версии ее заболевания, а Элизабет возражала ему.

Фрейд реконструирует психологическую драму пациентки. Он пишет о том, что ее «нравственное существо» противилась осознанию любви к зятю. Чтобы избежать этой невыносимой истины, она бессознательно причиняла себе физическую боль. Эти боли, по его наблюдению, возникали как результат конверсии в соматическую сферу именно в моменты, когда запретное чувство подступало к сознанию. Он также считает, что ее упорное сопротивление в ходе лечения прямо соответствовало «энергии, с которой невыносимое представление было вытеснено» [Бройер, Фрейд 2021, 163].

Фрейд описывает поворотный момент их диалога, когда он прямо сказал ей: «Стало быть, вы были давно влюблены в вашего зятя» [Бройер, Фрейд 2021, 163]. Ее реакция была предсказуемой: крик, жалоба на боль и попытка отвергнуть его слова как

внушение, как нечто невозможное, как «подлость», которую она себе «никогда бы не простила». Фрейд пишет о том, что, хотя ее собственные слова не допускали иного толкования, одного этого было недостаточно. Соппротивление удалось преодолеть лишь после того, как он привел два утешительных довода. Он заверил ее в том, что, во-первых, человек не может нести ответственность за свои чувства, а, во-вторых, факт ее болезни – лучшее доказательство ее высокой морали. Именно такое переосмысление ситуации и оказало на нее должное воздействие [Бройер, Фрейд 2021, 163–164].

Как объяснить, что в споре с Элизабет все-таки Фрейд сумел вывести ее на нужное ему решение? Суть одного ответа сводится к тому, что было внушение, и отчасти это правильно. По мнению А.И. Сосланда, в основе психоанализа находится парадокс. С одной стороны, психоанализ провозгласил «принцип невмешательства», который создает «иллюзию минимального участия терапевта» [Сосланд 2013, 257]. С другой – в его глубине скрыт мощный механизм воздействия на сознание, который Сосланд называет «транстерминационной процедурой». Этот механизм, унаследованный от классического гипноза, официально отвергнут психоаналитическим сообществом, но в действительности не исчез. Он лишь был замаскирован и перешел в латентное состояние. Психоанализ, отрицая свои корни в гипнозе, в действительности сохранил его главный действующий элемент [Сосланд 2013, 233].

Не отрицая внушения, я обратил бы внимание и на активность Элизабет. (Вспомним известное высказывание из изданного еще в 1546 году сборника пословиц Дж. Хейвуда : «Человек может привести лошадь к воде, но он не может заставить ее пить без ее воли».) Элизабет под влиянием двух утешительных доводов Фрейда и всей ситуации (ее сестра, жена зятя, уже умерла) настолько переосмыслила свое положение, что согласилась с версией Фрейда. Иногда, однако, переосмысление предмета спора выглядит как достижение середины, но очень редко. А.С. Ахиезера можно понять таким образом, что достижение середины тоже предполагает переосмысление, хотя он пишет только о продумывании ситуации. Но, поскольку механизм медиации не раскрыт, трудно понять, так ли это.

Психоанализ как скрытая суггестия (транстерминация) – это лишь один тип действия, способствующего переосмыслению. В действительности более эффективным способом представ-

ляется открытое социальное общение. Приведу яркий пример, показывающий, как друзья Пушкина повлияли на него, склонив «наше все» к рефлексии и переосмыслению своей жизни. Многие пушкиноведы характеризуют личность поэта, не подозревая о том, что в юности Пушкин был далеко не нравственным человеком. Приведем фрагмент его письма П.А. Вяземскому, написанного в апреле–мае 1826 года: «Письмо это тебе вручит милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твоё человеколюбие и дружбу. Приюти её в Москве и дай денег, сколько ей понадобится – а потом отправь в Болдино... При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если только то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется – а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, – хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей богу... *но тут уж не до совести* (курсив мой. – В. Р.)» [Пушкин 1937, 274–275].

Под стать этому письму оценка, данная Пушкину Н.М. Карамзином в письме П.А. Вяземскому: «...если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад» (цит. по: [Эйдельман 1987, 200]). Или можно привести фрагмент письма 23-летнего Пушкина, вероятно, характеризующего его первую личность, своему 18-летнему брату: «Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можешь вообразить; ты не слишком сильно ошибешься... презирай их самым вежливым образом... будь холоден со всеми... не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать: люди этого не понимают... То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею» [Пушкин 1937, 49–50, 524]. Интерес представляют и воспоминания сына П.А. Вяземского о беседах с Пушкиным, когда П.П. Вяземскому было еще 16 лет. Сын друга писателя пишет: «Вообще в это время Пушкин как будто систематически действовал на мое воображение, чтобы обратить мое внимание на прекрасный пол и убедить меня в важном значении для мужчины способности приковывать внимание женщин... Не довольствуясь поэтической мыслью, он учил меня, что в этом деле не следует останавливаться на первом шагу, а идти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщин уважать вас» (цит. по: [Вересаев 1936, 297]).

По мере того, как Пушкин вырос, он начинал видеть несоответствие своего образа жизни и представлений с провозглашаемыми им в творчестве ценностями и идеями. Но, думаю, главное – это влияние на поэта некоторых его друзей, особенно П.Я. Чаадаева, про которого Пушкин писал: «Твоя дружба мне заменила счастье. Одного тебя может любить холодная душа моя» [Пушкин 1949, 303]. Существенно повлияло на поэта письмо Чаадаева к Пушкину от марта–апреля 1829 года: «Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания. Когда видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед мнением толпы, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути» [Пушкин 1941, 44, 394]. Далее Чаадаев признается, что эти мысли постоянно преследуют его, когда он думает о Пушкине, и призывает: «Если у вас не хватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который безусловно кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России. Не измените своему предназначению, друг мой» [Пушкин 1941, 44, 394].

Через полгода Пушкин кардинально пересматривает свою жизнь, постепенно изменяя ее. В письме Н.И. Гончаровой, матери будущей жены, он пишет: «Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась» [Пушкин 1941, 75–76, 404]. И через день-два сообщает родителям: «Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год – м-ль Натали Гончаровой... Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия – и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость» [Пушкин 1941, 77, 405]. В 1831 году, за неделю до свадьбы, в письме Н.И. Кривцову поэт пишет: «Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было» [Пушкин 1941, 150–151].

В этих письмах можно проследить и осознание прожитой жизни как неправильной, и намек на будущую. К последней относятся подсказанные Чаадаевым задачи, способствующие становлению новой личности Пушкина, миссия которой заключается в том,

чтобы «принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России». Историк и литературовед Я.А. Гордин считает, что к 1831 году у Пушкина сложилась четкая «тактическая программа». Ее суть заключалась в том, чтобы, воздействуя на государя, убедить его провести реформу правящего класса: «ограничить аристократию бюрократическую и выдвинуть аристократию истинную». По этому замыслу, просвещенное родовое дворянство должно было получить неотменяемые привилегии и выполнять две ключевые функции: представлять у трона «весь народ» и ограничить самодержавие. Гордин отмечает, что Пушкин понимал: добровольно на такое государь не пойдет. Поэтому вторым элементом программы было создание давления на власть через общественное мнение. Свою задачу Пушкин видел в том, чтобы «соответствующим образом направить умственное движение русского дворянства, объяснить ему его долг» [Гордин 1974, 46].

Для этой цели были написаны «Борис Годунов», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «История Пугачева». Формулировал для себя Пушкин указанные задачи как поэт, а через несколько лет оценил их нереалистичность как умнейший человек России. К 1834 году формируется более реалистическая гражданская позиция: нужно работать не для царя, а для правительства, образования и просвещения, т.е. для российской культуры [Розин 2009, 124].

Изложенное позволяет сформулировать несколько интересных положений. Во-первых, социальный диалог (Чаадаев – Пушкин), вероятно, заставил поэта начать диалог с самим собой, что способствовало критической рефлексии жизни Александра Сергеевича. Во-вторых, текст письма Чаадаева и другие тексты подобного рода позволили остановить и объективировать жизнь поэта. Посредством этих текстов Пушкин смог по-новому, критически увидеть себя. Иными словами, необходимым условием изменения его сознания выступила интерсубъективная, социальная и семиотическая ситуация. В-третьих, вряд ли кардинальное переосмысление жизни поэта могло происходить вне процесса перестройки и эволюции его личности. Многие склонили к подобной перестройке: и давление друзей, и печальный опыт любви, и зависимость от царя, в которой Пушкин оказался, и собственные рефлексивные размышления [Розин 2009]. Перестройка представляет собой сложный процесс, включающий в себя создание новых схем и реальностей, блокировку ряда сложившихся, а также пережива-

ния и эмоции, формирование нового видения себя и окружения, в целом духовный переворот [Розин 2018].

Заключение

Я понимаю А.С. Ахиезера и А.П. Давыдова: они предполагают, что раскол в России может быть преодолен путем диалога-медиации [Ахиезер 2008; Давыдов 2023; Давыдов 2024а; Давыдов 2024б]. Однако мой анализ показывает, что диалог – эффективный инструмент для размежевания, компромисса и переосмысления, но не слишком эффективный для способствования сосуществованию индивидов и сообществ, придерживающихся противоположных взглядов. В последнем случае приходится изменять, и часто кардинально, социальные условия и порядок [Розин 2024]. Например, от унитарного государства переходить к федеративному устройству. Но диалог все-таки будет необходим для выявления предпосылок и условий подобного изменения.

Таким образом, диалог – это необходимое, но не достаточное условие медиации. Я старался показать, что успешное завершение медиации (согласие или желательная трансформация сторон) зависит не только от того, как выстроен процесс диалога, но и от ряда психологических и социальных факторов.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 2008 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Новый хронограф, 2008.

Брестский мир... 2022 – Брестский мир: пролог, заключение, итоги: Сборник документов / отв. сост. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2022.

Бройер, Фрейд 2021 – *Бройер Й., Фрейд З.* Этюды об истерии // *Фрейд З., Бройер Й., Кречмер Э.* Истерия: история женского безумия. – М.: Алгоритм, 2021. С. 8–232.

Вересаев 1936 – *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни: в 2-х т. Т. 2. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Советский писатель, 1936.

Гефтер 1988 – *Гефтер М.Я.* «Сталин умер вчера...» // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 1. С. 113–129.

Гордин 1974 – *Гордин Я.А.* Годы борьбы: документальная повесть // Звезда. 1974. № 6. С. 20–85.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Александр Самойлович Ахиезер: раскол в России и стратегия его преодоления // Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria / отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. С. 379–388.

Давыдов 2024а – Давыдов А.П. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Давыдов 2024б – Давыдов А.П. «Середина» как метод: поиск социоиндивидуального // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 4. С. 114–135.

Давыдов, Розин 2017 – Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации: Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. – М.: URSS, 2017.

Зер 2002 – Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. под общ. ред. Л.М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

Пушкин 1937 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 13. Переписка. 1815–1827 / ред. Д.Д. Благой. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

Пушкин 1941 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 14. Переписка. 1828–1831 / общ. ред. Н.В. Измайлов. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.

Пушкин 1949 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 12. Критика. Автобиография / общ. ред. В.В. Гиппиус, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

Розин 2009 – Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. – М.: Либроком, 2009.

Розин 2018 – Розин В.М. Психическое заболевание как тренд развития личности и состояние культуры. – М.: URSS, 2018.

Розин 2024 – Розин В.М. Социальный диалог как проблема и условие медиации // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 65–80.

Сосланд 2013 – Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. – 2-е изд, исп. – М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2013.

Эйдельман 1987 – Эйдельман Н.Я. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1837. – М.: Художественная литература, 1987.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (2008) *Russia: A Critique of Historical Experience* (3rd ed.). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Breuer J. & Freud S. (2021) Studies on Hysteria. In: Freud S., Breuer J., & Kretschmer E. *Hysteria: The History of Female Madness* (pp. 8–232). Moscow: Algorithm (Russian translation).

Davydov A.P. (2023) Alexander Samoylovich Akhiezer: The Divide in Russia and the Strategy for Overcoming It. In: Smirnov A.V., Kasavina N.A., & Nikolsky S.A. (Eds.) *Civilization: Polyphony of Meanings. Memoria* (pp. 379–388). Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Davydov A.P. (2024a) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Davydov A.P. (2024b) The “Middle” as a Method: In Search for the Socio-Individual. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 114–135 (in Russian).

Davydov A.P. & Rozin V.M. (2017) *The Dispute over Mediation: The Divide in Russia and Mediation as a Strategy to Overcome It*. Moscow: URSS (in Russian).

Eidelman N.Ya. (1987) *Pushkin. From Biography and Works. 1826–1837*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Gefter M.Ya. (1988) “Stalin Died Yesterday...” *Rabochiy klass i sovremennyy mir*. No. 1, pp. 113–129 (in Russian).

Gordin Ya.A. (1974) The Years of Struggle: A Documentary Story. *Zvezda*. No. 6, pp. 20–85 (in Russian).

Pushkin A.S. (1937) *Complete Works in 17 Vols. Vol. 13: Correspondence. 1815–1827* (D.D. Blagoy, Ed.). Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Pushkin A.S. (1941) *Complete Works in 17 Vols. Vol. 14: Correspondence. 1828–1831* (N.V. Izmaylov, Ed.). Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Pushkin A.S. (1949) *Complete Works in 17 Vols. Vol. 12: Criticism. Autobiography* (V.V. Gippius, B.V. Tomashevskiy, & B.M. Eykhenbaum, Eds.). Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Repnikov A.V. (Ed. & Comp.) (2022) *The Treaty of Brest-Litovsk: Prologue, Conclusion, Results: A Collection of Documents*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Rozin V.M. (2009) *Features of Discourse and Research Models in the Humanities*. Moscow: Librokom (in Russian).

Rozin V.M. (2018) *Mental Illness as a Trend in Personality Development and a State of Culture*. Moscow: URSS (in Russian).

Rozin V.M. (2024) Social Dialogue as a Problem and Prerequisite for Mediation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 65–80 (in Russian).

Sosland A.I. (2013) *The Fundamental Structure of the Psychotherapeutic Method, or How to Create Your Own School in Psychotherapy* (2nd ed.). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education (in Russian).

Veresaev V.V. (1936) Pushkin in Life (Vol. 2; 6th ed.). Moscow: Sovetskiy pisatel' (in Russian).

Zehr H. (2002) *Restorative Justice: A New Perspective on Crime and Justice* (L.M. Karnozova, Ed.). Moscow: MOO Tsentr “Sudebno-pravovaya reforma” (Russian translation).